

UDC 94 (47)

Terror and Terrorism in the North Caucasus during the Civil War

Sergey V. Sivkov

South Institute of Management, Russia
Stavropolskaya street, 216. Krasnodar city, 350040
PhD (History)
E-mail: cssm@rambler.ru

Abstract. The article, using a considerable amount of archival sources and periodicals considers the problems of state terror and terrorism in the North Caucasus during the Civil War. Special attention is attached to major forms of terror and terrorism in the considered period.

Keywords: North Caucasus; state terror; terrorism.

Введение. Неотъемлемыми атрибутами современной жизни на Юге России стали в последние десятилетия террор и терроризм. Происходящие на Северном Кавказе события требуют вдумчивого и всестороннего анализа. Требуется приложить усилия историков, философов, психологов, юристов, других специалистов, чтобы осмыслить происходящие события. Для того, чтобы понять причины происходящих событий, необходимо учесть трагический опыт и события Гражданской войны на Юге страны.

Как отмечал в эмиграции один из активных участников 1-го Кубанского (Ледяного) похода генерал-майор Борис Александрович Штейфон в 1928 году: «Россия уже пережила небывалые потрясения, а ко времени своего возрождения переживет их еще больше. Поэтому мы должны всегда помнить ошибки прошлого, дабы избежать их повторения в будущем»[1].

Террор и терроризм в настоящее время относится к числу самых опасных и трудно прогнозируемых явлений современности, приобретающих разнообразные формы и угрожающие масштабы.

Обсуждение. Проблемам истории террора и терроризма в годы Гражданской войны посвящено значительное число научной и научно-популярной литературы. Интересны в этом отношении публикации Бортневского В.Г., Гейфман Анны, Будницкого О.В., Литвина А.Л., Нестерова Д.В., Нестерова А.В., Шумахера О.В., Кропачева С.А. и многие другие. К сожалению, в большинстве из перечисленных работ Северный Кавказ, в том числе Кубань и Черноморье были представлены лишь фрагментарно, либо освещались несколько однобоко.

Как это ни парадоксально, такое понятие, как «терроризм», не имеет точной и широко принятой дефиниции, в том числе и в правовой литературе.

Большой интерес представляет проблема классификации основных форм терроризма. Исследователь Д.В. Ольшанский предложил следующие:

- политический терроризм,
- информационный терроризм,
- экономический терроризм,
- социальный (бытовой) терроризм.

Он же обратил внимание на относительность оценок: «полезный» и «вредный» террор.

В период Гражданской войны террористические методы использовались вполне осмысленно и применялись для достижения определенных политических целей. Ни для кого не является секретом, что террор и терроризм в России этого времени особенно ярко проявился на Юге, в том числе на Кубани и Черноморье.

В период Гражданской войны становилось очевидным и то, что политические, национальные и религиозные террористы прибегали к криминальному террору, а криминальные террористы – к политическому.

Именно в период Гражданской войны некоторые политические партии, по примеру трагических событий Великой Французской революции, провозгласили одной из главных форм своей деятельности террор.

По мнению О.В. Будницкого: «...государственный террор, унесший с 1917 года миллионы жизней, имеет генетическую связь с террором дореволюционным – как лево- и правозэкстремистским, так и с правительственным»[2].

Насильственный захват большевиками власти на Кубани и в Черноморье в конце 1917 – начале 1918 гг. привел к массовому террору на подконтрольной им территории.

Первая волна репрессий пришлась на февраль–апрель 1918 года в связи с боевыми действиями и потерей власти Краевым правительством. Удар пришёлся на лиц, сочувствующих казачьему руководству, буржуазию, офицерство, зажиточное население городов и сельской местности.

Вторая волна прокатилась в мае–июне 1918 года в связи с проводимыми большевиками земельными реформами, хлебной политикой и возникшими в ответ на это массовыми выступлениями. Материально и физически пострадала значительная часть населения.

Третья волна пришлась на июль–ноябрь 1918 г. В ходе боёв и смены власти с мирным населением одинаково жестоко расправлялись и белые, и красные.

Четвертая волна – декабрь 1918–март 1920 г. В этот период репрессиям подвергались сторонники большевиков, часть казачества, несогласная с политикой руководителей Белого движения. По мнению Г. Покровского приход добровольцев в Черноморскую губернию и установленный там режим «обратил всё население в большевиков и привёл к негативному отношению к казачеству»[3].

Пятая волна – это март–декабрь 1920 г. На этом этапе репрессиям подвергались сторонники Белого движения и Краевого правительства.

На наш взгляд в период Гражданской войны на Кубани и Черноморья основными формами террора и терроризма стали: физический, экономический, политический, информационный и социальный.

Основными видами политического террора стали ограничения деятельности представителей тех или иных политических партий.

Руководство Черноморской губернии первым в регионе предприняло попытки расправиться со своими оппонентами. Решением II губернского съезда Советов в местные органы власти допускались только представители большевиков и левых эсеров [4]. Отныне в состав Советов могли входить только большевики, левые эсеры и беспартийные. В Постановлении указывалось, что «меньшевикам, правым эсерам, кадетам и тому подобным нет места в Совете»[5]. В передовой статье, опубликованной в органе Новороссийского Совета, отмечалось, что меньшевики и эсеры – «враги опаснее, чем кадеты»[6].

При решении вопроса о выборах на III съезд Советов 27 мая 1918 г. Екатеринодарский Совет признал возможным дать представительство только фракциям, стоящим на платформе советской власти, то есть большевикам и эсерам, а в циркуляре от 8 июня 1918 г. комиссара внутренних дел Кубано-Черноморской советской республики предписывалось установить надзор за организациями ряда партий, в том числе и меньшевиков[7].

В советской историографии длительное время считалось, что падение численности представителей той или иной партии в Советах связано с её популярностью среди населения. Однако это не всегда было так. Большевистское руководство фактически вытеснило из Советов своих оппонентов, а затем и союзников, создав в Кубано-Черноморье, как и в других регионах России, прецедент монопартийности. В период правления «казачьего контрреволюционного» правительства в конце 1917 – начале 1918г. на политическом небосклоне высвечивалось шесть крупных партий и общественных организаций. В первый период советской власти от активной политической борьбы вынуждены были уйти казачьи организации, кадеты и украинцы. Далее последовал разгром анархистов, затем меньшевиков и правых эсеров.

Приход к власти казачьего и деникинского руководства в августе–ноябре 1918 года ознаменовался аналогичными действиями по отношению к большевикам, левым эсерам и анархистам. Все они исключались из политической борьбы.

Предметом пристального изучения исследователей проблем террора и терроризма на Северном Кавказе могут стать средства массовой информации. Важным направлением информационного террора стало открытое наступление на них. В первые же дни после взятия Екатеринодара большевиками закрываются газеты «Листок Кубани», «Кубанский курьер», решением Армавирского ВРК прекращают свою деятельность газеты «Отклики Кавказа» и «Новый мир». В Новороссийске 14 марта 1918г. закрыта «Черноморская мысль» [8].

Не успев наладить выпуск, прекращает своё существование меньшевистская «Искра» и арестовывается заведующий типографией Никитин [9]. Данный факт вызвал волну возмущений среди рабочих г.Екатеринодара. С осуждением выступило общее собрание конторских служащих, а труженики завода «Станиславского» расценили это как «преступление против рабочих» [10]. Правильных выводов из сложившейся ситуации большевистское руководство не сделало, тем более, что в это время из столицы последовало грозное указание Лациса об усилении надзора за печатью и уличной агитацией [11].

Конфискуются номера «Нашей искры» и приостанавливается выпуск «Проблеска» [12]. Последняя газета не выходит с 6 по 12 июня 1918 г. К концу июня закрываются ещё две газеты: «Народное дело» и «Слово народа» [13].

Союз печатников, выступивший на защиту свободы слова, объявил забастовку, продолжавшуюся около трёх недель, но она не принесла победы. По сообщению «Нового проблеска», резолюцию о прекращении забастовки пришлось принимать в окружении воинских частей [14]. Во время забастовки в городе не выходила ни одна из газет за исключением «Прикубанской правды». О данном инциденте стало известно даже в казачьем отделе ВЦИК [15].

2 августа 1918 года ЧК по борьбе с контрреволюцией газеты «Новый проблеск» и «Голос рабочего» были названы контрреволюционными и закрыты [16]. ЦИК запретил издавать вместо этих газет любые другие [17].

В Черноморской республике события происходили по тому же сценарию. Накануне падения советской власти Новороссийский окружной Совет закрывает «Черноморскую газету» и «Утро», а дело передается в суд. Печатники ответили на это забастовкой [18]. Под угрозой закрытия находились даже «Новороссийские известия» [19].

Таким образом, в первый период существования советской власти на Кубани и Черноморье практически вся оппозиционная печать была подавлена, а оставшаяся оказалась зажатой в тисках цензуры.

Политика Краевого правительства и Добровольческой администрации в отношении прессы оказалась аналогичной. С потерей большевиками Екатеринодара прекратился выпуск «Прикубанской правды», «Известий» и других.

В конце сентября 1918 года закрываются «Кубань» и «Искра», вышедшие без разрешения ОСВАГа, в ноябре запрещается выпуск журнала «Маяк». Последний закрывается по распоряжению члена Краевого правительства по внутренним делам Успенского [20].

Этой же осенью Краевым правительством закрывается газета «Россия» В.В. Шульгина [21].

Таким образом, нажим на периодические издания продолжился и после смены большевистского режима.

Краевое правительство создает особую комиссию по борьбе с политическими преступлениями Приказом от 4 сентября 1918 г. Такие комиссии создаются во всех отдельных центрах [22].

Другой формой террора стало физическое уничтожение политических противников и оппонентов. Широкое распространение получили такие его виды, как расстрелы, заложничество, избиение, содержание в тюрьмах без предъявления обвинений, грабежи и мародерство.

В Туапсе в 1918 году местным ВРК были расстреляны бывший комиссар Временного Правительства К.Л. Бардиж вместе с сыновьями. По сообщению Екатеринодарских газет, в его сапоге была найдена записка от генерала Покровского о направлении Кондрата Лукича в губернию для формирования антибольшевистских отрядов [23]. Содержание записки

вызывает большое сомнение, так как Бардиж являлся противником назначения Покровского командиром кубанских частей.

В конце марта 1918г. в г. Армавире расстреляно 38 грузин, следовавших из Петрограда в Тифлис. Военно-полевой суд приговорил всех к смертной казни [24]. Большинство имеющихся на сегодняшний день в архивах Краснодарского края документов и воспоминаний свидетельствуют, что причиной расстрела стала попытка утаить изъятые обыскивавшими ценности. Попытки обвиняемых сослаться на И. Сталина об отправке их в Тифлис для подготовки революционного выступления не сыграли никакой роли. Запрос ему в г. Царицын сделан не был.

Страшные картины репрессий по отношению к восставшему населению нарисовал в своем выступлении на III Съезде советов Тамани председатель отдельского исполкома Зимин. По его сведениям в ст. Привольной отряд красного командира Демиденко расстрелял четверых жителей, а остальных, разбегавшихся, ловили и топили в плавнях [25].

Советскими органами предпринимались лишь некоторые декларативные меры по недопущению случаев насилия.

В борьбе за власть её представители не считались и со своими соратниками. Главное было запугать и терроризировать население. В большинстве изданий периодической печати того времени шла целенаправленная компания дискредитации крупных военных руководителей. Чаще всего их обвиняли в «бонапартизме» и попытках узурпации власти. Такие статейки появлялись по поводу главнокомандующего Юго-Восточной революционной армии, а позже главнокомандующего войсками Кубанской советской республики Александра Исидоровича Автономова. Одна из них так и называлась: «Новый Бонапарт» и завершалась таким утверждением: «Надо верить, что происки нового «Кубанского Бонапарта» потерпят крах, ибо революционная Красная армия, поклявшаяся умереть за советскую власть, не допустит посягнуть на нее честолюбивым искателям славы».

А.И. Автономов вскоре был отрешен III Чрезвычайным съездом Советов Кубанской и Черноморской республик от командования за отказ подчиниться контролю Чрезвычайного штаба обороны республики. Его жизнь была спасена только благодаря личному вмешательству Г.К. Орджоникидзе.

Несколько ранее местными газетами в «узурпаторстве власти» был обвинен комендант г. Екатеринодара некто Золотарев. И. Сорокин напечатал в «Известиях...» ответную статью «Где узурпаторы?», в которой обвинил представителей Ревкома и партии большевиков в шельмовании военных работников. Вскоре Золотарев со своим штабом был арестован отрядом особого назначения при Исполкоме. Постановлением Исполкома он и его штаб были расстреляны.

В середине апреля 1918 года в г. Пятигорск вернулся красногвардейский отряд под командованием Нижевясова, который сражался с частями генерала Корнилова под Екатеринодаром. Командир заподозрил, что Совет хочет покончить с ним и его отрядом. Принимается решение об аресте президиума горсовета и руководителей большевиков. Выступление было подавлено силой, а руководители расстреляны.

Другой темной страницей истории Гражданской войны стал расстрел 10 октября 1918 года в районе Невинномысской по решению РВС 11-й армии, (состоящего в основном из большевистских руководителей Северо-Кавказской советской социалистической республики), командующего Таманской армии Ивана Ивановича Матвеева. Пропагандистская машина правящего режима информировала личный состав армии об убийстве И. Матвеева по инициативе И.Л. Сорокина, Главнокомандующего 11-й Северо-Кавказской красной армии.

Изучая факты террора на Кубани, невозможно обойти некоторые события, произошедшие в этот период в соседней Ставропольской губернии. Как известно, И.Л. Сорокин пытался избавиться от жесткой опеки большевиков, но это привело к трагедии в г. Пятигорске. Ввиду несогласия с деятельностью ЦИК Северо-Кавказской Советской республики, главнокомандующий 11-й Красной армией Иван Лукич Сорокин арестовал его руководителей Дунаевского, Рубина, Крайнего, Рожанского и Власова. Все пятеро были расстреляны без суда и следствия под горой Машук в г.Пятигорске. В соответствии с решениями 2-го Чрезвычайного Северо-Кавказского съезда советов и делегатов воинских частей Сорокин и его штаб объявлялся вне закона.

При въезде в г. Ставрополь главнокомандующий был арестован и доставлен в местную тюрьму [26]. По оценке бывшего таманца Н. Батурина, убийство произошло так: «Между прочим туда пришел и комиссар третьего таманского полка Высленко, и увидя, что Сорокин опрашивается членами комиссии... выстрелил в Сорокина и двумя пулями убил его. Он был зарыт во дворе ставропольской тюрьмы» [27].

Другой участник гражданской войны М.Г. Акиншин в своих рукописных воспоминаниях отмечал: «В Ставрополе я узнал, что убили Сорокина командующего войсками, когда убили не знаю, но видел в тюрьме, повешенного за руки и ногу» [28].

Широкое распространение в нашем регионе получили случаи ареста без предъявления каких-либо обвинений. Так, в начале лета 1918 г. на станции Тихорецкой задержан по пути следования в Царицын известный анархист Н.И. Махно. Недоразумение было быстро исчерпано [29].

В начале июля того же года на станции Екатеринодар задерживаются девять железнодорожников, замеченных в расхищении сахара. Арестованных водили по всему городу с табличками, повешенными на груди. Екатеринодарский комитет союза железнодорожников обратился в местный исполком с просьбой «прекратить действия, оскорбляющие человеческое достоинство» [30].

Повсеместно аресты сопровождалась «жестокостью и грубостью». Комиссар юстиции Новороссийского округа выяснил из опросов задержанных, что многие из них подвергались избиению со стороны красновардейцев, а иногда и членов судебно-уголовной милиции [31]. Части лиц, томящихся в камерах, не были предъявлены обвинения, хотя наряду с ними значились и откровенно уголовные элементы [32].

Кровавой страницей в историю Гражданской войны на Кубани вписаны события в Екатеринодарской тюрьме. На заседании местного совета 17.06.1918 г. представитель завода «Кубаноль» Бровиков сделал запрос о производящихся там массовых расстрелах. Партия эсеров (центр) выступила с решительным осуждением и заявила, что «протестовать против отдельных случаев смертных казней, совершаемых в период существования на Кубани Советской власти при замалчивании их советской властью она не могла за отсутствием свободы печати» [33]. В ходе расследования выявляется факт расстрела 77 обвиняемых. Принимается постановление об аресте членов Чрезвычайной следственной комиссии. Трое ее членов задерживаются, однако это вызывает волнения местного гарнизона и дело приостанавливается [34].

В ходе борьбы широкое распространение получил институт заложничества [35]. Еще 19 января 1918 г. в Петропавловский совет поступило прошение об освобождении шести граждан указанной станицы, арестованных с целью отправки на станцию Гулькевичи в качестве заложников «за будущее спокойствие в станице».

Осенью 1918 года ЦИК Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики захватил в качестве заложников генералов Рузского, Радко-Дмитриева, князей Урусовых, контр-адмирала Капниста. В приказе № 6 от 8 ноября сообщалось, что в следствие покушения на жизнь вождей пролетариата, в ответ на дьявольское убийство лучших товарищей – членов ЦИКа, 21 ноября 1918 года по решению ЧК они расстреляны. Почти никто из перечисленных представителей не имел прямого отношения ни к покушению на В.И. Ленина, ни к конфликту Северо-Кавказского главкома И.Л. Сорокина. Лишь в конце списка названо несколько соратников опального главкома. В результате этой акции казнено 106 человек.

Характерной чертой этой войны, в отсутствие какой-либо правовой базы, стали самосуды, как проявления внесудебной практики.

Недалеко от ст. Пензенской группа беженцев была схвачена сторонниками большевиков. В плен попали известный на Кубани эсер А.В. Юшко и его сын Роман. По воспоминаниям красноармейца Воронова, служившего на фронте под командованием взводного Р. Юшко: «Толпа хотела его и отца растерзать. После тщетных разговоров, видя, что присутствующие не согласны даровать им жизнь, чтобы искупить эту кровь, и хотел застрелиться. Тогда бойцы пошли на уступку и решили оставить им жизнь». Однако 25 марта (по н.ст.) на Екатеринодарском вокзале они были растерзаны толпой иногородних, за интересы которых так самоотверженно боролся отец.

18 марта (н.ст.) 1918 г. с заявлением о случаях самосудов на вокзале на заседании объединенного ВРК выступил Балкевич. Назначается комиссия по расследованию.

Попытка представителей эсеров и меньшевиков напечатать обращение по поводу гибели Юшко и его сына натолкнулось на яростное противодействие печатников.

Председатель Областного Исполкома советов Я.В. Полуян также обратился 2 апреля (н.ст.) к населению с воззванием. Он писал: «Убит тот, кто всю свою жизнь был гоним жандармами» [36], а через день при открытии 2-го Кубанского областного съезда советов предложил почтить вставанием его память [37].

Особая комиссия ВРК 5 апреля сообщила: «Открыты две могилы, в первой обнаружено 20, во второй – 21 труп. Большинство с перерезанными горлами, колотыми ранами, есть изуродованные. Среди трупов опознаны: бывший городской голова Глоба-Михайленко, секретарь крестьянского союза Молчанов, юноша Хуциев и другие». Толпа мстила тем, кто не пошел с ней.

С противоположной стороны, среди сочувствующих Краевому правительству, а также наблюдались подобные случаи. В этом прямо признался член Краевой Рады Белоусов, огласивший 6 декабря 1918 г. проект приказа № 1 о прекращении всевозможных самосудов и произвола, творящегося в Кубанском крае [38].

Несколько ранее, в апреле того же года, при налете добровольцев на ст. Незамаевскую казаку В.И. Краснову, за сочувствие большевикам отрубили руки, уши и возили на подводе по станице для устрашения [39]. В период Второго Кубанского похода Добровольческой армии, после взятия ими Белой Глины, больные красноармейцы вытаскивались на улицу и расстреливались. Во дворе мельницы Пшивановых, по воспоминаниям очевидцев, расстреляли 125 человек, а на Ярмарочной площади красноармейцев уничтожали из пулемета [40].

В ст. Новокорсунской белоказачки повесили 4-х членов местного Революционного комитета, в том числе и двух казаков, а затем еще шесть активистов. Около 20 заложников, взятых в станице, расстреляли позже в ст. Елизаветинской [41].

В середине октября 1918 г. отряд Покровского ворвался в х. Журавский, сжег его дотла и уничтожил многих жителей. Тоже произошло с соседним хутором Кайтуковским [42].

Одной из форм экономического террора стали контрибуции, захлестнувшие регион. В этом процессе участвовали все структуры белогвардейского правительства и советских органов власти. Большинство реквизиций проводилось под прикрытием нужд армии.

На заседании ВРК 18.04.1918 г. предлагалось наложить контрибуцию на Екатеринодар. Приказом от 26.03.1918 г. торгово-промышленный класс Екатеринодара в трехдневный срок обязан был сдать 10 млн рублей [43].

На ст. Незамаевскую налагалась контрибуция в 1 млн рублей, облагалась ею и армянская буржуазия г. Армавира [44].

Данная мера нашла широкое распространение и на Черноморье. В г.Новороссийске налог составил 1 млн 200 тыс. рублей, в Геленджике – 2 млн, Сочинский Совет ввел отчисления в размере 10 % с текущих счетов свыше 5000 рублей [45].

Довольно часто действия представителей Советов и командования армии носили абсурдный характер. Так, 23 апреля Кубанский исполком издает приказ, обязывающий всех граждан в трехдневный срок сдать излишки белья [46]. Все помещения комиссариата оказались забиты бельем, среди которого имелось много дорогостоящего, женского.

Не менее активно использовали данную форму террора и Добровольческие формирования.

Имели место и бомбардировки станиц, не пожелавших выплатить контрибуции. С жалобой на подобные действия обратились жители ст. Бакинской [47].

Непростой оказалась политика руководителей Добровольческой армии по отношению к Кубанскому правительству и Раде. «Взятие Екатеринодара, - по воспоминаниям А.И. Деникина, – было вторым «роковым моментом», когда по мнению многих – не только правых, но и либеральных политических деятелей, Добровольческое командование проявило «недопустимый либерализм», вместо того, чтобы «покончить с кубанской самостийностью», посадив на Кубани наказного атамана и создав себе таким образом спокойный, замиренный тыл» [48].

28 октября 1918 г. (по ст. ст.) открылось заседание Кубанской Рады. На следующий день член Рады Гаркушин в своем выступлении обвинил добровольцев в присвоении добычи, отобранной в ходе боев у большевиков [49].

Генерал А.И. Деникин, на торжественном заседании 1 ноября 1918 г. заявил: «Не должно быть армии Добровольческой, Донской, Кубанской, Сибирской, должна быть единая Русская армия» [50].

В ходе заседаний Краевая Рада приняла несколько постановлений относительно образования на федеративных началах союза с другими государственными образованиями Юга России. Генерал Лукомский решительно протестовал против этого... [51]. Таким образом, конфликт зашел слишком далеко.

Кстати, устремления кубанцев к самостоятельности нашли активную поддержку Донского казачьего правительства в лице своего представителя Макаренко, заявившего об автономии Кубанской и Донской армий [52].

Неудачная попытка иметь свою собственную армию толкнула кубанцев на отстаивание своей самостоятельности в международных вопросах. С этой целью по решению, принятому в конце 1918 г., 9(22) января 1919 г. на Версальскую мирную конференцию в Париж отправилась делегация Кубанского правительства и Кубанской Рады во главе с Л.Л. Бычем [54].

17(30) июня 1919 г. в Екатеринодаре состоялись похороны убитого в Ростове председателя Законодательной и краевой рад Н.С. Рябовола. По мнению многих жителей кубанской столицы этот акт совершили представители контрразведки генерала А.И. Деникина.

Финальным аккордом этих событий стала расправа над делегатами парижской конференции. В ночь с 4(17) на 5(18) ноября 1919 г. офицеры отряда полковника Карташова заняли вокзал, разместились на главных площадях и улицах города, около рады выставили пулеметные посты. Рано утром 6(19) ноября бригада полковника Бурсака и юнкера заняли все центральные улицы и окружили Зимний театр, где заседала рада.

Генерал Покровский снял атаманский караул. Утром 6(19) ноября член парижской делегации полковой священник А.И. Кулабухов явился для сдачи Покровскому. 7(20) ноября его повесили на Крепостной площади с дощечкой на груди «За измену России и кубанскому казачеству». Остальные арестованные следом члены Рады были преданы военно-полевому суду, осуждены к каторге, но затем помилованы и высланы за пределы Кубани (в Турцию) [55].

Заключение. В результате подобных фактов в период Гражданской войны были утрачены те небольшие завоевания в области прав и свобод, которые были получены жителями России в 1917 году.

События Гражданской войны наглядно показали, что применяемые в ее ходе методы наведения порядка в основном не встречали сочувствия и понимания местного населения. Такие методы загоняли проблемы вовнутрь.

Примечания:

1. Штейфон Б.А. Кризис добровольчества // Белое дело. М., 1996. т.7. С. 350.
2. Кровь по совести: терроризм в России. Документы и биографии. Сост. Ю.В. Будницкий. Ростов-на-Дону. 1994. С. 35.
3. Покровский Г. Деникинщина. Год политики и экономики Кубани (1918-1919 гг.). Берлин. 1993. С. 150.
4. Проблеск. 1918, 30 апреля.
5. Проблеск. 1918, 29 апреля.
6. Сергеев В.Н. Политические партии в южных казачьих областях России (1917-1920 гг.) Ч.3. Ростов-на-Дону. 1993. С. 8.
7. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-975. Оп. 1 Д. 3. Л.69.
8. Проблеск, 1918. 28 марта.
9. ГАКК. Ф. Р-975. Оп. 1. Д.3. Л.51.
10. Проблеск, 1918.4 июля.
11. ГАКК. Р-1359. Оп. 1. Д.5. Л.4. Копия.
12. ГАКК. Р-975. Оп. 1. Д.3. Л.54; Проблеск, 1918. 5 июня.

13. Новый Проблеск, 1918.31 июля.
14. Новый Проблеск, 1918. 27 июля.
15. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1235. Оп.82. Д.3. Л. 282.
16. Прикубанская правда. 1918. 3 августа.
17. Известия ЦИК. 1918. 2 августа.
18. ГАКК. Р-1364. Оп. 1. Д.1. Л.102.
19. ГАКК. Ф.2. Оп.1. Д.948. Л.80.
20. Вольная Кубань, 1919. 5 января.
21. Соколов К.Н. Правление генерала Деникина. С. 52.
22. Приказы Кубанского краевого правительства за 1918 год. Вып. 2. С. 1-3.
23. Проблеск, 1918. 29 марта.
24. ГАКК. Р-411. Оп.2. Д. 294. Л. 154-155.
25. Берлизов А. Красный террор // Комсомолец Кубани. 1991. 26 января.
26. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф.2830. Оп.1. Д.169. Л.4.
27. ЦДНИКК. Ф.2830. Оп. 1. Д. 206. Л. 86.
28. ЦДНИКК. Ф.2830. Оп. 1. Д.234. Л. 9 об.
29. Махно Н.И. Воспоминания. М., 1992.С.94-96.
30. ГАКК. Р-975. Оп. 1. Д.4. Л.307.
31. ГАКК. Р-1364. Оп.1. Д.16. Л.27 об.
32. ГАКК. Р-1359. Оп.1. Д.4. Л.2.
33. Проблеск, 1918. 19 июня.
34. ГАКК. Р-975. Оп. 1. Д.3. Л. 51.
35. Черкасов А.А. Институт заложничества на Кубани и Черноморье в 1920–1922 гг. // Вопросы истории. 2004. № 10. С.106–113; Черкасов А.А., Чекерес О.Ю. К вопросу о красном терроре на территории Кубани и Черноморья в 1920–1922 гг. // История и историки в контексте времени. 2004. № 2. С. 55–73.
36. День рабочего, 1918. 1 апреля; Проблеск, 1918. 2 апреля.
37. День рабочего, 1918. 8 апреля.
38. Чрезвычайная рада Кубанского края созыва 28-го октября 1918. Стенографический отчёт. Вып. 8. г. Екатеринодар, 1918. С. 114.
39. ЦДНИКК. Ф.1774-Р. Оп. 2. Д.2. Л.56.
40. Иванов А.А. Контрразведывательные службы Белого движения на Черноморском побережье в 1918–1920 гг.: террор под флагом борьбы со шпионажем // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2008. № 1. С. 14–20.
41. ЦДНИКК. Ф.1774-Р. Оп.2. Д.262. Л.3,4.
42. ЦДНИКК. Ф.2830. Оп.1. Д.919. Л.13; Д.616. Л.1.
43. Известия Кубанского Областного исполнительного комитета, 1918. 20, 26 марта.
44. ЦДНИКК. Ф.2830. Оп.1. Д.108. Л.3; Д.693. Л.35.
45. Козлов А.И. Указ соч. С.157.
46. Проблеск, 1918. 25 апреля.
47. ГАКК, Р-975. Оп.1. Д.3. Л.16.
48. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.3 // Вопросы истории. 1993. №4. С.67.
49. Чрезвычайная рада Кубанского края... 1918. Вып. 1. С. 15, 25.
50. Там же. С. 142.
51. Там же. Вып. 3. С. 391.
52. Там же. С. 451-452.
53. Вольная Кубань, 1919. 5(18) января.
54. Екатеринодар-Краснодар. Материалы к летописи. Краснодар. 1993. С. 434.
55. Там же. С. 438-439.

УДК 94 (47)

Террор и терроризм на Северном Кавказе в годы гражданской войны

Сергей Михайлович Сивков

Южный институт менеджмента, Россия
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 216
Кандидат исторических наук
E-mail: chessm@rambler.ru

Аннотация. В статье на основе значительного количества архивных источников и материалов периодической печати рассматриваются проблемы государственного террора и терроризма на Северном Кавказе в годы Гражданской войны. Уделено внимание основным формам террора и терроризма в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Северный Кавказ; государственный террор; терроризм.